

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ КОНФЛИКТНОГО И ГАРМОНИЧНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Чиркун А. Б., Минский государственный лингвистический университет

На сегодняшний день исследования по речевой конфликтологии охватывают не только сферу конфронтационного межличностного взаимодействия, но и распространяются на другие коммуникативные пространства, в частности на область бесконфликтного общения. При этом в качестве языковых маркеров как конфликтной, так и бесконфликтной коммуникации выступают единицы и категории разных лингвистических уровней.

Так, исследование речевых конфликтогенов, т.е. вербальных действий, которые в определенных коммуникативных ситуациях способны выступить в качестве «детонаторов» (по выражению Д.Дэна) межличностного конфликта, указывает на то, что в испанской и русской коммуникативных культурах их актуализация осуществляется за счет следующих наиболее распространенных языковых средств:

1) **лексических**, в частности негативно окрашенной лексики, инвектив, ненормативной обсценной лексики, стилистически сниженных слов и выражений, ср.: *idiota* 'идиот', *tono* 'дурак', *canalla* 'каналья', *sinvergüenza* 'бесстыдник' и т.п. При этом рядом с использованием идентичных лексем, маркирующих конфликтное межличностное взаимодействие, каждая из сопоставляемых культур обладает и своими собственными этноспецифическими лексическими средствами вербализации речевых конфликтогенов. Так, например, в испанской культуре лексемы *arrastra(d)o* и *condenado*, буквально обозначающие 'убитого во время корриды быка', также широко используются в качестве инвектив со значением 'проклятый, негодник' и 'отицепенец', ср.: — *Buena memoria. Хорошая память!* — *¡Más buena que la tuya, arrastra!* 'Лучше, чем твоя, негодник!'. В свою очередь в русской речевой культуре в качестве специфических инвективных средств могут выступать, например, лексемы *лапоть*, *валенок*, ср.: *Ну ты и валенок!* и т. п.;

2) **морфологических**, а именно категории лица, конфликтогенная актуализация которой происходит, в частности при употреблении 3-го лица вместо 2-го, ср.: *Mire, que cree que es el centro del mundo. 'Вы только посмотрите на него, он думает, что он центр вселенной'* (M. P.Janer. *Pasiones romanas*); *Алеша. А как тебе не стыдно!.. Bom! Поплачь еще теперь! Чтоб совсем молоко пропало!.. Черт, все надо испортить! Накручивает, накручивает, все не так!* (М.Рощин. *Муж и жена снимут комнату*). Как отмечает Ю. Д. Апресян, подобные «непочтительные» употребления выполняют прагматические функции «исключения называемых таким образом людей из личной сферы говорящего, преднамеренного оскорблении, выражения неуважения, либо невольной демонстрации недостатка воспитания»;

3) **синтаксических**, в частности стратегических вопросов, с помощью которых говорящий выражает возмущение, ср.: *¿Cómo has podido obrar así?* 'Как же ты мог так поступить?'; У меня ничего в жизни не осталось, все знают: только Петечка, только Федечка! В кого я превратилась? В домработницу с дипломом? В рабыню? (М. Рощин. *Старый Новый год*).

Между тем анализ *вербальных действий, ориентированных на нейтрализацию возникшего между коммуникантами конфликта*, указывает на то, что их реализация в обеих коммуникативных культурах осуществляется за счет следующих средств:

1) **лексических**, с помощью которых выражаются либо положительные эмоции коммуникантов по отношению друг к другу (*querer* 'любить', *adorar* 'боготворить', *admirar* 'восхищаться'), либо тяжелое внутреннее состояние партнеров по коммуникации, обусловленное возникшим конфликтом (*echar de menos* 'скучать', *sentir* 'сожалеть', *тосковать, переживать, не находить себе места и т.д.*). При этом интерес представляет то, что если в испанской коммуникативной культуре при нейтрализации речевого конфликта предпочтение отдается лексическим средствам, с помощью которых выражаются положительные эмоции (75%), то в русской культуре в данной ситуации общения превалируют лексические единицы, употребление которых ориентировано на выражение тяжелого внутреннего состояния (80%);

2) **морфологических**, за счет которых создается общий эмоциональный фон общения, а также происходит включение собеседника в личную сферу говорящего. К данным морфологическим средствам относятся: а) категории лица и числа, в частности 1-е лицо мн.числа, ср.: *Ya no volveremos a discutir esta tarde <...>*. 'Мы больше не будем спорить этим вечером' (С.М.Гаите. Entre visillos). *Мы все исправим* и т.п.; б) «кооперативные» предикаты (в терминах Е.М.Вольф), аппелирующие к знанию собеседника (*sabes, que* 'ты же знаешь, что'; *если бы ты знал; как ты знаешь; ты что, не знаешь?*), к его согласию с истинностью суждения (*;verdad?* 'правда?'; *ведь правда?*), к согласию с мнением (*puedes creer* 'можешь поверить') и т.п.;

3) **синтаксических**, особое место среди которых занимают личные и безличные конструкции. Как отмечает А.Вежбицкая, «синтаксические конструкции языка воплощают и кодифицируют определенные специфичные для данного языка значения и способы мышления <...>». При этом если в испанской коммуникативной культуре при нейтрализации конфликта предпочтение отдается личным синтаксическим конструкциям, то в русской речевой культуре превалируют безличные, подразумевающие участие в событии «некой непознаваемой "тайинственной" силы». Ср.: *La culpa la tengo yo. 'Я виноват'; Просто так вышло* и т.п.

Таким образом, результаты проведенного анализа свидетельствуют о существовании в испанской и русской речевых культурах как общих языковых маркеров конфликтного и бесконфликтного речевого поведения, так и этноспецифических.